

ДРАКОНЬЯ КРОВЬ

КНИГА ПЕРВАЯ: ИСКРА БУРИ

ИВАН МИШИН

Драконья Кровь

Иван Мишин

**Драконья кровь. Книга
первая: Искра бури**

«Автор»

2026

Мишин И.

Драконья кровь. Книга первая: Искра бури / И. Мишин —
«Автор», 2026 — (Драконья Кровь)

Шахтёр Кай обрёл себя на смерть, коснувшись костей последнего дракона. Но Вольтар подарил ему не гибель, а кровную месть. Теперь в жилах юноши бушует сила древнего повелителя штормов, а в разуме живёт его язвительный голос. Под личиной ученика магической Академии Кай должен научиться владеть новой мощью, скрываться от инквизиции и понять, кто же на самом деле враг: драконы в легендах или боги, столетия лгущие человечеству. Его первый удар молнией расколется не только врагов, но и вековой миропорядок.

© Мишин И., 2026

© Автор, 2026

Иван Мишин

Драконья кровь. Книга первая: Искра бури

Глава 1: Прах и Кости

Тьма. Она была не просто отсутствием света, а плотной, удушающей субстанцией, впитывающей в себя все звуки, кроме трех: прерывистый, хриплый кашель, глухие удары кирки о камень и ровное, мерзкое посапывание чахотки в моих собственных легких. Мне было восемнадцать. По крайней мере, так считал надсмотрщик Борк, тыча в меня гнилым пальцем: «Тебе, падаль, уже восемнадцать, пора на глубокую выработку!» Глубокая выработка. Кодекс вежливости для «скоростного пути в могилу».

Я, Кай, бывший раб-шахтёр, хотя «бывший» – сильно сказано. Скорее, «ещё не до конца сгнивший». Моё тело, которое в другом месте и в другое время могло бы сойти за крепкое – широкие плечи, накачанные годами долбления породы руки, – теперь было всего лишь глиняным сосудом, треснувшим по всем швам. Чахотка. Прекрасное слово. Оно звучит почти изящно, как «камелия» или «серенада». На деле же это ощущение, будто в твоей груди поселилась крыса с тупой зубочисткой и методично, день за днём, выскабливает из тебя всё живое, оставляя взамен мокрую, липкую труху.

Я занес кирку для очередного удара, и мир вздрогнул. Не просто вздрогнул – он рыгнул, как переевший зверь. Глухой, сокрушительный грохот прокатился по штольне, за ним последовал скрежет и треск ломающихся балок. Пыль, вековая, едкая, взметнулась тучей, ослепив и без того бесполезные в этой крошечной мгле глаза. Кто-то крикнул – коротко, отрывисто, больше удивлённо, чем испуганно. Потом ещё один голос, уже полный паники: «Обвал!»

Третий голос, принадлежавший, кажется, старому Гарту, прорычал: «Тихо! Светляков! Где светляки?!»

Светляки. Волшебные грибы, которые маги щедро поставляли в шахты, чтобы скот видел, куда копать. Их синеватый, фосфоресцирующий свет был таким же жалким, как и наша жизнь, но сейчас он был бы райским даром. Я похлопал по стене, пытаюсь нащупать знакомую бархатистую шляпку. Пустота. Видимо, тряска оторвала последние.

А потом пришёл второй удар. Более мощный. На этот раз с потолка посыпались не просто комья земли, а целые пласты породы. Я услышал, как что-то тяжёлое и мокрое шлёпнулось неподалёку, и крик оборвался на полуслове.

Инстинкт – древний, животный, – заставил меня прижаться к стене, к той самой, которую я долбил последние шесть часов. Камень был холодным и влажным. Я зажмурился, втягивая в себя едкую пыль и пытаюсь не кашлять. Мыслей не было. Только одна, простая и ясная, как удар кирки: «Вот и всё».

Но смерть, как и надсмотрщик Борк, оказалась мастером издёвки. Третий толчок был не сверху, а сбоку. Стена, к которой я прилип в надежде на спасение, просто перестала существовать. Не обрушилась, не треснула – растворилась в грохоте и пыли. И я полетел вниз.

Это не был полёт в привычном смысле. Это было падение в чрево мира. Темнота сменилась ещё более густой темнотой, воздух стал холодным и сырым, пахнущим не пылью и потом, а вековой плесенью, камнем и чем-то... металлическим.

Я пытался цепляться руками, ногами, но вокруг была только пустота. Падение, должно быть, длилось секунды, но ощущалось как вечность. Потом – удар. Жёсткий, костоломный, вышибающий из лёгких последние остатки гнилого воздуха. Я что-то сломал. Руку, наверное. Или ребро. Или всё сразу. Боль, острая и жгучая, пронзила бок, но почти сразу растворилась в общем фоне мучений, который был моим постоянным спутником. Лежал, хватая ртом холодную, спёртую влагу, и слушал тишину. Сверху не доносилось ни звука. Ни криков, ни стонов. Ничего. Мои «товарищи по несчастью», видимо, решили, что обвал похоронил меня окончательно. Или им было просто плевать. Оба варианта казались одинаково правдоподобными.

«Вставать, – прошипел я сам себе. – Надо вставать».

Но тело не слушалось. Оно было разбитой куклой, набитой болью и усталостью. Я потянулся здоровой рукой, пытаюсь нащупать опору. Пальцы скользнули по чему-то твёрдому, ребристому, покрытому толстым слоем пыли или пепла. Что-то огромное. Очень огромное.

С трудом вытащив из кармана потрёпанной робы последний светляк – я всегда припрятывал один на самый крайний случай, – я сжал хлипкий гриб в ладони. Тусклый, синеватый свет брызнул сквозь мои пальцы, слабый, как последний вздох умирающего. Я поднял руку.

И замер.

Свет падал не на каменный пол пещеры. Он скользил по дуге. По огромной, изогнутой дуге, уходящей в темноту. По кости.

Я медленно, с болезненной осторожностью, повёл рукой, пытаюсь осветить больше. Дуга была частью чего-то целого. Черепа. Черепа таких размеров, что наш шахтёрский барак, втиснутый в нём, показался бы скворечником. Он был в три раза больше самого большого дома, который я видел в своём жалком существовании. Глазницы, каждую размером с повозку, смотрели в черноту потолка пещеры. Пасть, усеянная остриями клыков, каждый длиннее моей руки, была приоткрыта в немом, застывшем на тысячелетия рыке.

Я лежал не просто на костях. Я лежал на рёбрах этого колосса. Моё падение привело меня прямо в его грудную клетку, как пьяницу – в объятия старого друга-смерти.

И тут что-то во мне сломалось окончательно. Не кость. Что-то глубже. Та самая тонкая ниточка, что ещё держала моё сознание в относительной целостности. Боль, страх, отчаяние, годы унижений, вонючая солома, пинки надсмотрщиков, хрипы в груди по ночам, вкус заплесневелой похлёбки – всё это слилось в один сплошной, бешеный, немой вопль.

Я не закричал. Кричать уже не было сил. Я просто упёрся лбом в холодную, пыльную кость подо мной и прошипел, обливая её своей немощью и гневом:

– Ну чего же вы добились, а? – мой голос был хриплым шёпотом, полным пыли и ненависти. – Я копал ваше чёртово серебро, я гнил за ваши алтари, я молился вашим тупым, каменным лицам! И где вы? Где ваша благодать? Где ваше исцеление? Прокляты будьте! Прокляты все, до последнего! Сгнить вам в вашем золоте и славе!

Я бился лбом о кость, слабо, бессильно, как младенец, и слёзы ярости и беспомощности текли по моим щекам, оставляя грязные борозды. Это была не молитва. Это был плевок. Плевок в лицо всем богам, всему миропорядку, всей этой прогнившей насквозь системе.

И кость ответила.

Не дрогнула, не треснула. Она вспыхнула.

Из глазниц исполинского черепа ударили два столба алого, живого пламени. Оно не горело в привычном смысле – оно пульсировало, как гигантское сердце, заливая всю пещеру кроваво-красным светом. Тени заплясали на стенах, превращая очертания рёбер и позвонков в монстров из детских кошмаров. В воздухе запахло озоном, пеплом и чем-то невыразимо древним, пряным и опасным.

А потом в моей голове заговорил Гром.

Голос был не звуком. Это было землетрясение сознания. Скрип тысячелетних пластов породы, рёв подземных рек, свист ветра в бездонных пропастях.

«Кто... осмеливается... будить... сон... пепла?»

Я не мог ответить. Я даже дышать не мог. Этот голос заполнил всё. Каждую мысль, каждую клеточку. Он был везде и нигде одновременно.

«Жалкий... червь... Человечишка... Ты испачкал мои кости... твоим ничтожеством».

Я попытался пошевелиться, отползти, но моё тело было парализовано не только страхом, но и этой вселенской тяжестью, давившей на разум.

– Я... я не хотел... – выдавил я, и мой собственный голос показался писком дохлой мышцы.

«Молчи!» – прогремело у меня в черепе, и я почувствовал, как из носа пошла тёплая струйка крови. «Ты... молился. Звал их. Твоё ничтожное страдание... твой гнев... они были сладки. Как нектар. Но ты... ты не просил. Ты проклинал».

В голосе появилась странная нота. Не смягчение. Скорее, удивлённое любопытство хищника, нашедшего в своей добыче что-то неожиданное.

«Ты... ненавидишь их?»

Я не знал, кто «они». Боги? Надсмотрщики? Весь мир? Но ответ пришёл сам, вырвался из самого нутра, из той самой чёрной ямы, что зияла на месте души:

– Да! – прохрипел я, и в этом хрипе была вся моя недолгая, отвратительная жизнь. – Ненавижу! Всё ненавижу!

Наступила пауза. Алое пламя в глазницах черепа пульсировало ровнее.

«Хорошо», – прозвучало в голове, и в этом слове было больше угрозы, чем во всех криках надсмотрщиков, вместе взятых. «Тогда... слушай, червь. Слушай и не перебивай. Потому что я расскажу тебе... первородную ложь. А потом... потом мы решим, достоин ли ты... стать орудием... или просто удобрением для моих костей».

И мир вокруг поплыл, растворился в водовороте чужих, невероятных воспоминаний, которые дух дракона, Вольтар, с силой кузнечного пресса вбивал прямо в моё сознание.

А я, Кай, бывший раб, будущее удобрение или орудие, мог только лежать и смотреть, как алый свет заполняет всё, пока тьма не наступила снова. Но на этот раз она была не беспросветной. В ней мерцала искра. Искра чужой, древней ярости.

Глава 2: Первородная Ложь

Сознание вернулось ко мне не как пробуждение, а как выныривание из ледяной, вязкой пучины. Я захлёбывался чужими образами, чужими чувствами. Они были такими же реальными, как боль в сломанной руке и вкус крови на губах.

Я увидел небо. Но не то бледное, затянутое дымом полотно, что висело над шахтами. Это было море цвета расплавленного сапфира, по которому плыли облака, похожие на клубы серебряного пара. И в этом небе парили они.

Драконы.

Не костяные останки, на которых я валялся. А живые. Сияющие. Их чешуя переливалась всеми оттенками металла и камня: бронзой заката, изумрудной зеленью глубоких лесов, холодной синева ледников. Они были огромны, грациозны и полны такой спокойной, неоспоримой мощи, что у меня перехватило дыхание даже в этом видении. Они не летали – они плыли в небесных течениях, как киты в океане, и их тени скользили по склонам гор, таких высоких, что их вершины терялись в облаках.

Я почувствовал тепло солнца на чешуе. Запах хвои, смешанный с озоном послегрозя. Услышал песню ветра в каньонах и низкий, гармоничный гул, исходящий от самой земли – песню маны, первородной энергии, пульсирующей в жилах мира. Это была не магия, которую втирали нам в уши жрецы – заученные молитвы, слабые всполохи огня. Это было дыхание. Ритм. Сама жизнь в её чистейшем, необузданном проявлении.

Я увидел их города. Не груды камня и дерева, а живые, растущие структуры, высеченные в скалах или взращённые из кристаллов и древних деревьев. Там не было стен, разделяющих «своих» и «чужих». Была гармония. Драконы делили мир с другими существами: с людьми, что были тогда не рабами, а учениками, с духами лесов и рек, с великанами и фейри. Это был мир. Настоящий.

А потом пришли Они.

Видение исказилось, наполнилось кислотной желтизной и гнилостной зеленью. Небо почернело, не от туч, а от разрывающей его ткани реальности. С небес сошли не в сияющих одеждах и с благостными улыбками, как на картинках в храмах. Они явились как болезнь. Как

заражение. Их формы были туманны, размыты, но исходящая от них аура вселенского высокомерия и холодной, расчётливой жестокости обжигала сознание.

«Боги», – прошипел голос Вольтара в моей голове, и в этом слове была такая концентрация ненависти, что мои зубы свело судорогой. «Паразиты. Пришельцы из иных слоёв реальности. Они увидели наш мир... и им захотелось его. Но он был слишком силён, слишком... живой для них. Им нужен был ключ. Ослабление. Они нашли его».

Показались первые люди-маги. Не дикари с дубинами. Уже обученные драконами, чувствующие потоки маны. Они стояли перед спустившимися сущностями, и в их глазах горел не священный трепет, а жадность. Простая, неприкрытая жадность.

«Они пообещали им силу», – продолжал Вольтар, и его голос стал ледяным, как сердцевина ледника. «Не через знание. Не через понимание. Через кровь. Через кражу».

Я увидел, как один из драконов, великолепный старец с чешуей цвета лунного света, был предательски оглушён магией своих же учеников. Его приковали к земле рунами, которые жгли его плоть. А потом... потом один из «богов», приняв облик сияющего человека, подошёл и пронзил его грудь кристаллическим кинжалом. Не чтобы убить. Чтобы взять.

Алая, светящаяся изнутри жидкость, густая, как расплавленный рубин, смешанный с золотой молнией, хлынула в подставленные чаши. Это была не просто кровь. Это была сущность. Сама жизнь дракона, сконцентрированная магия мира.

«Первое предательство», – прорычал Вольтар, и в моей голове зазвенело. «Они выпили её. Исказили. Они впустили в себя чужеродный принцип – принцип господства, разделения, иерархии. Магия перестала быть потоком, с которым можно слиться. Она стала инструментом. Оружием. И самое главное – ошейником».

Видение сменилось. Теперь люди с новообретённой «божественной» силой в глазах строили свои первые храмы. Не для гармонии. Для поклонения. Они ковали оружие, пронизанное чужой энергией, и обращали его против своих учителей. Я увидел, как драконы, отравленные искажённой магией, теряли связь с миром, слабели. Как отравлялись сами источники маны – реки светившейся воды тускнели, леса, полные жизни, чахли. Мир начал болеть. Трескаться.

«Они не дали вам силу, мальчик, – гремел Вольтар, и каждый удар его голоса был как молот по наковальне моего разума. – Они навесили на вас ошейник и назвали его благословением. Они вшили в вашу душу вирус покорности и страха перед тем, что сильнее. Они разорвали единую ткань мира на клочья и сказали, что так и должно быть! Они создали вашу «цивилизацию» на костях моего народа, на отравленной земле, и заставили вас благодарить их за эту милость!»

Видения закончились так же внезапно, как начались. Я снова лежал на костях в тёмной пещере, но мир вокруг уже не был прежним. Он был фальшивкой. Декорацией, натянутой на скелет лжи. В ушах стоял оглушительный звон, а в груди бушевало чужое, древнее бешенство. Оно было чистым, ясным, как лезвие. И оно находило отклик в моём собственном, копившемся годами, гневе.

Я попытался подняться на локте, и из моих губ вырвался стон. Не только от боли. От оскомины, оставшейся от увиденного предательства. Моё тело, мой разум были переполнены. Мне нужно было что-то сделать. Выплеснуть это.

Инстинктивно, по старой, вбитой в подкорку привычке, я сложил ладони. Жалкий, ничтожный жест просителя.

– Великие... – начал я, обращаясь к тем, кого только что видел паразитами и лжецами. Голос дрожал. От слабости. От ярости. От растерянности.

«НЕ СМЕЙ!»

Рёв Вольтара обрушился на меня не как звук, а как физический удар в грудь. Меня отбросило назад, я ударился головой о ребро дракона. Над нами с грохотом посыпались камни с потолка пещеры. Пыль снова встала столбом.

«Ты видел! Ты ЗНАЕШЬ! И всё ещё твякаешь, как побитая собака, к своим порабощителям?! Ты хочешь молиться тем, кто превратил твой вид в рабов, а мой – в пепел?!»

– Я не... я не знаю, что ещё делать! – выкрикнул я в пустоту, в отчаянии. – Я никто! Я червь! У меня нет силы!

«Сила? – в голосе дракона прозвучало ледяное, циничное презрение. – Ты думаешь, сила – это то, что они дают? Одолжение? Подачку? Сила, мальчик, – это то, что берут. То, что отжимают когтями и клыками у самой судьбы. Сила – это ярость, которая не гаснет. Это месть, которая ждёт своего часа тысячелетиями».

Он замолчал. Алое пламя в глазницах гасло, становясь тусклым, как тлеющие угли.

«Ты ненавидишь их. Это хорошо. Это начало. Но одной ненависти мало. Она сожжёт тебя изнутри, как та шахтёрская пыль в твоих лёгких. Ей нужен сосуд. Фокус. Ей нужна... цена».

– Цена? – прошептал я, всё ещё оглушённый.

«Моя кровь ещё течёт в этих окаменевших жилах. Остатки. Эхо былой мощи. Её можно... передать. Это не их жалкая, ворованная магия. Это не ритуал. Это таинство. Сливание. И оно убьёт тебя. С вероятностью в девять из десяти. Твоё жалкое человеческое тело разорвёт, как тухлый мешок, от прикосновения к первородной силе. Твоя душа растворится в моей ярости, и от тебя не останется даже воспоминания».

Я замер. Страх, холодный и липкий, снова пополз по спине. Смерть здесь, в темноте, рядом с этим древним чудовищем? После всего, что я видел?

«Но если ты выживешь... – голос Вольтара стал тише, интимнее, страшнее. – Если твоя ненависть окажется крепче твоего страха... ты станешь чем-то иным. Не магом. Не героем. Шипом. Ядовитым шипом, воткнутым в горло этого прогнившего мира. Орудием моей мести. Пламенем, которое спалит их храмы и испепелит их ложь».

Он снова сделал паузу, давая мне прочувствовать тяжесть этих слов.

«Выбор за тобой, червь. Умереть здесь, как раб, забытый богами, которым ты молился. Или взять мою кровь, пройти через ад боли и, возможно... стать проклятием для тех, кто сделал нас обоих тем, что мы есть. Мщение или забвение. Выбирай».

Я лежал, глядя в тёмный потолок пещеры, где ещё кружились пылинки, поднятые его рёвом. Передо мной снова проплыли образы. Шахта. Пинки. Хрипы в груди. Надсмотрщик Борк, сплёвывающий мне в похлёбку. Лица жрецов, равнодушные и сытые. И поверх них – великолепие драконьего неба, отравленные источники, предательский удар кристаллическим кинжалом.

Ненависть. Она была не эмоцией. Она была фундаментом. Единственным, что у меня осталось.

Я не хотел быть орудием. Не хотел быть чьим-то «шипом». Но я хотел... я хотел гореть. Хотел, чтобы те, кто обрёл меня на эту жизнь, почувствовали хоть тень той боли, что пожирала меня изнутри.

Я поднял голову и посмотрел в одну из тлеющих глазниц.

– Я не хочу молиться, – сказал я, и мой голос больше не дрожал. В нём была только хрипая, сухая решимость. – Я хочу жечь.

В глубине глазницы, в алом огне, что-то дрогнуло. Показалось ли мне, или это была... усмешка?

«Ха... – пронеслось в голове. – Значит, в тебе ещё есть искра. Не молитвенная свечка, а уголёк из пепла. Хорошо. Готовься, щенок. Сейчас будет... больно».

Кости подо мной снова засветились. На этот раз не только глазницы. Вся гигантская грудная клетка, рёбра, позвоночник – всё замерцало изнутри алым, пульсирующим светом. Воздух затрещал от наэлектризованности. Запах озона стал резким, едким.

И тогда я увидел её. Кровь Вольтара.

Она сочилась не из ран – их не было. Она проявлялась из самой субстанции костей, как воспоминание о жизни. Алые, золотые прожилки, похожие на лаву и молнию, сплетённые воедино. Они тянулись к центру грудной клетки, собираясь в сияющую, нестабильную сферу, которая клокотала и переливалась, испуская искры, прожигавшие камень на полу.

Сердце у меня бешено заколотилось, предчувствуя не боль, а нечто большее. Полное уничтожение.

«Последний шанс отказаться, червь», – донёсся голос, но в нём уже не было вопроса. Только констатация.

Я стиснул зубы. Вспомнил, как золотились облака в его воспоминаниях. Как зеленили леса. И как всё это было загажено.

– Давай уже, ядро драконье, – прохрипел я. – Покажись, на что способна твоя «первородная ложь».

Из сферы вытянулся тонкий, светящийся жгут. Он медленно, почти нежно, пополз по воздуху ко мне. Я зажмурился.

Прикосновение было похоже на то, как если бы в грудь мне вогнали раскалённый лом, обёрнутый в ледяную проволоку. Я закричал. Но крик не долетел до моих ушей, потому что мир взорвался светом, болью и всепоглощающим рёвом древней силы, входившей в меня и ломавшей всё на своём пути.

Глава 3: Кровная Цена

Боль.

Это слово слишком мелкое, слишком жалкое, чтобы описать то, что началось. Это было вселенское насилие. Инквизиция, устроенная каждой клетке моего тела каждой молекулой вторгшейся в меня чужеродной мощи.

Тот алый жгут из света и энергии вонзился мне в грудь чуть ниже ключицы. Не было разрыва плоти, дыры – он просто проявился там, как будто всегда был частью меня, а сейчас решил напомнить о своём существовании. И через эту точку контакта хлынул Вольтар.

Не его сознание. Его сущность. Проклятая, великолепная, яростная первородная сила, которой не было дела до таких понятий, как «анатомия человека» или «предел прочности нервной системы».

Первым сдался скелет. Кости, которые я сломал при падении, – лучевая и пара рёбер – не просто срослись. Они взорвались. Я услышал, нет, почувствовал изнутри тот самый скрежет и хруст, но в тысячу раз громче. Старая костная ткань рассыпалась в пыль, которую тут же смывало волной чего-то нового, горячего, плотного и невероятно тяжёлого. Мои кости не срастались – они переплавлялись и перековывались. И каждая такая микровспышка агонии отзывалась во мне яркой звездой боли, пока всё моё внутреннее пространство не превратилось в сверхновую из мучений.

«Не сопротивляйся, идиот! – прорычал Вольтар где-то на периферии моего разрывающегося сознания. – Ты пытаешься сдержать прилив всей своей ничтожной массой! Растворись!»

Раствориться? Я пытался просто не сойти с ума. Но его слова, сквозь рёв боли, что-то заделали. Инстинкт выживания, тот самый, что заставлял долбить киркой, когда руки были в крови, подсказал отчаянный ход. Перестать быть стеной. Стать руслом.

Я... отпустил.

И ад сменился другим видом безумия.

Боль не ушла. Она стала... информацией. Ошеломляющим, оглушающим потоком данных о том, как моё тело ломается и собирается заново по новым, чудовищным лекалам. Я чувствовал, как в костном мозге зарождаются не красные и белые кровяные тельца, а что-то искрящееся, золотисто-алого цвета. Чувствовал, как мышцы не просто восстанавливаются –

их волокна рвутся и сплетаются вновь, становясь плотнее, как стальные канаты, обмотанные медной проволокой. Сухожилия звенели, натягиваясь.

Но самый кошмар творился внутри груди.

Мои лёгкие, эти два изношенных, пропитанных пылью меха, вспыхнули. Мне показалось, я вижу их сквозь собственную плоть – они почернели, обуглились, а затем из пепла, из самого центра пламени, стали разворачиваться новые лепестки плоти. Розовые, чистые, невероятно эффективные. Они втянули первый глоток воздуха пещеры – и я задохнулся. Не от недостатка кислорода. От его избытка. Воздух, который я вдыхал, был не инертным газом. Он был живым, пульсирующим энергией. Мои новые лёгкие, созданные для этого, жадно впитывали её, и каждая клетка моего тела кричала от шока, от непривычного, огненного насыщения.

Потом кровь Вольтара добралась до сердца.

Оно остановилось.

На долю секунды воцарилась леденящая пустота. Тишина. Предсмертная пауза.

А потом оно ударило снова. С таким глухим, мощным БУМ, что я оторвался от земли и снова рухнул на кости. Ритм был диким, звериным, нечеловеческим. Каждый удар был как падение кузнечного молота по наковальне моего грудной клетки, разгоняя по венам и артериям не кровь, а жидкий огонь. Золотой и алый. Этот огонь достигал самых дальних уголков, самых мелких капилляров – и выжигал. Выжигал шлак, болезнь, слабость, годами копившуюся грязь. Выжигал меня старого.

Кожа на руках и груди покрылась сетью багровых трещин, из которых сочился не кровь, а тот же золотисто-алый свет. Я горел изнутри. Я был факелом, в котором сгорал Кай-шахтёр, Кай-раб, Кай-жалкая просящая тварь.

И сквозь этот рёв перерождения, сквозь плавильный тигель боли, я слышал его. Вольтара. Но не того циничного, яростного духа. Его голос теперь был... другим. Полным нечеловеческой агонии.

«ЧУВСТВУЕШЬ?! – гремело в моём разуме, но это был и крик, и стон одновременно. – ЧУВСТВУЕШЬ ЦЕНУ СИЛЫ?! ЭТО НЕ ПОДАЧКА! ЭТО... АААРГХ!.. ЭТО АКТ ВОЙНЫ ПРОТИВ САМОГО МИРОПОРЯДКА! ПРОТИВ ИХ ПРОКЛЯТЫХ ЗАКОНОВ! МЫ... МЫ РВЁМ ТЕБЯ НАЧАСТИ И СОБИРАЕМ ЗАНОВО... КАК ХОТИМ!»

Его голос прерывался, искажался. Я вдруг осознал с леденящей ясностью: это мучает и его. Передача крови – это не просто дарение. Это ампутация. Отрыв последних остатков его физической сущности от духа. Это его собственная окончательная смерть, растянутая в агонии.

«МОЯ ПЛОТЬ... МОЯ КРОВЬ... В ТВОЕЙ ЖАЛКОЙ ОБОЛОЧКЕ... – его мысль была полна не только ярости, но и невероятной, древней грусти. – НО ЭТО... ЛУЧШЕ... ЧЕМ ПРАХ... ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЗАБВЕНИЕ... ТЫ... БУДЕШЬ... МОИМ... ПРОДОЛЖЕНИЕМ... МОИМ ПРОКЛЯТИЕМ...»

И в этот момент произошло то, чего я боялся больше всего. Поток стал не просто болезненным. Он стал... осмысленным. В нём проявились воспоминания, не переданные образно, а впечатанные прямо в нервную систему.

Я был Вольгаром. Я чувствовал тяжесть собственных крыльев, рассекающих воздух горных пиков. Я помнил вкус чистой маны из глубин земли, помнил ритуалы общения с духами стихий, сложные и прекрасные, как симфонии. Я ощущал тепло солнца на чешуе и прохладу высоких облаков.

А потом – укол. Предательский, ядовитый. Боль от ран, нанесённых руками тех, кого учил. Горечь отравленной воды в священных источниках. Ужас от понимания, что связь с миром рвётся, что он теряет цвета, звуки, жизнь. И на смену приходила холодная, всепоглощающая ярость. Ярость, которая горела тысячелетия в темноте пещеры, не давая окончательно уснуть. Ярость, мечтавшая только об одном – отплатить. Сжечь. Стереть.

Эта ярость стала последним и самым страшным ингредиентом. Она вплелась в новую ткань моих мышц, в ритм сердца, в самые основы нервной системы. Она была не эмоцией. Она была топливом. Принципом существования.

Боль начала отступать. Не потому что её стало меньше, а потому что тело... привыкло. Приняло новые правила игры. Костяк был перекован. Мускулатура переплетена. Кровеносная система гоняла по сосудам плазму, насыщенную энергией. Лёгкие качали ману вместо простого воздуха. Но самое главное – где-то в глубине, в самой сердцевине того, что раньше было душой, теперь пульсировала сфера холодного, чистого, целенаправленного гнева. Искра Вольгара.

Свет от костей дракона стал тускнеть. Пульсация затухала. Алый жгут, соединявший его грудную клетку с моей, истончился, стал прозрачным и... порвался.

Я рухнул на каменный пол пещеры, уже вне кольца рёбер. Лежал, беззвучно хватая ртом воздух, который теперь казался невероятно сладким и лёгким, даже несмотря на запах пепла и озона. Я смотрел на ладони. Кожа на них была целой. Более того – она была чистой. Ни ссадин, ни старой грязи, ввевшейся в поры. Она выглядела... новой. Загорелой, плотной, как хорошо выделанная кожа. Я сжал кулак. Сухожилия играли под кожей с тихой, упругой силой, которой я никогда не знал. Внутри всё пело. Пело от мощи, от здоровья, от дикой, животной жизни, наводнившей каждую частичку меня.

Я попытался встать. Движение было настолько лёгким, что я едва не подпрыгнул до потолка. Я стоял на ногах, твердо, без дрожи, без хрипа в груди. Я был... целым. Более чем целым.

И пустота.

Тишина в голове была оглушительной. После рёва боли и голоса дракона её гул давил на барабанные перепонки.

– Вольгар? – хрипло позвал я, озираясь. Пещера была почти темна. Лишь слабое, угасающее свечение исходило от гигантского скелета. Оно мерцало и таяло, как последние угольки в костре.

«...здесь...»

Отзвук. Шёпот, едва долетевший по разорванной связи.

Я подошёл к черепу. Глазницы были тёмными. Пепельно-серыми. В них не было ни пламени, ни жизни. Только древний камень.

«Всё... что осталось... от меня... теперь в тебе... щенок...» – мысль была слабой, разорванной, как паутина. «Голос... в твоей голове... эхо... воспоминание... Не дух... не наставник... Призрак...»

– Ты... ты исчезаешь? – спросил я, и к удивлению своему почувствовал странный укол. Не печали. Но... признательности? К тому, кто только что подверг меня пытке, сравнимой разве что с раскалыванием на атомы.

«Уже... исчез... Окончательно... Физически... Остался... пепел... и ты...» – пауза. «Мой гнев... моя месть... Они теперь твои... Не подведи...»

– Что мне делать? – спросил я, и голос мой прозвучал громко и чётко в тишине пещеры.

«Двигайся... – прошелестел последний шёпот. – Иди... В мир... который они построили... Наш гнев... ещё слишком мал... чтобы его заметили... Вырасти его... Отточь... А потом... покажи им... что значит... гнев дракона...»

Свечение в костях погасло окончательно. Одновременно с ним исчез и голос. В голове воцарилась полная, абсолютная тишина. Моя тишина.

Я стоял один в темноте, рядом с грудой пепла, что ещё секунду назад были величайшим существом этой земли. От него осталась лишь пыль да я.

Я – Кай. Бывший раб. Бывший больной. А теперь... А теперь что?

Я поднял руку и уставился на неё. По воле мысли, по зову той самой сферы ярости в груди, по моим жилам пробежала золотая искра. Не больно. Естественно. Как дыхание. На кончиках пальцев затрещали и заплясали микроскопические молнии, золотые, с алым отливом.

Сила. Неистовая, первобытная, чужая и в то же время насквозь моя теперь. Купленная не молитвами, а болью. Не преданностью, а ненавистью.

Я опустил руку. Повернулся и посмотрел на грудку камней, что была когда-то входом в шахту. Моя могила. Мое прошлое.

«Двигайся, щенок», – сказал он.

Я сделал шаг. Потом ещё один. Мои ноги, сильные и уверенные, несли меня по пещере к едва заметному просвету в дальнем конце – слабому потоку свежего воздуха. Я не оглядывался на пепел. Не было времени на сантименты. Был только путь вперёд. В мир.

Война была объявлена. И я, Кай, наследник ярости Вольтара, был теперь её единственным солдатом. Пока что.

Я вышел из пещеры в предрассветный лес, и первый луч солнца, пробившийся сквозь ветви, упал мне на лицо. Я не зажмурился. Я вдохнул полной грудью, и воздух, чистый, холодный, пахнувший хвоей и свободой, наполнил мои новые лёгкие.

Первый шаг был сделан.

Глава 4: Золотая Вспышка

Лес встретил меня не тишиной, а оглушительной симфонией жизни. Каждый шорох, каждый щебет, каждый треск ветки под собственным весом отдавался в моих ушах с невероятной чёткостью. Я стоял на краю небольшой поляны, прислонившись к стволу сосны, и просто дышал. Втягивал воздух, и с каждым вдохом казалось, что вливаю в себя самую суть этого места – влажную прохладу, аромат мха, хвои, прелой листвы и чего-то дикого, неукротимого.

Голода не было. Вообще. Это ощущение было настолько новым, что я поначалу не поверил. Я привык к постоянному, ноющему чувству пустоты в желудке, к слабости в коленях. Теперь же моё тело было... наполнено. Насыщено изнутри той самой силой, что пульсировала в жилах. Оно не требовало пищи. Оно требовало действия.

Я оттолкнулся от дерева. Движение было резким, порывистым. Я чуть не взлетел. Пришлось ловить равновесие, привыкая к новой координации, к мышцам, которые реагировали на малейший импульс с такой скоростью, что мозг не успевал. Я сделал несколько шагов, затем побежал. Сначала медленно, затем быстрее. Стволы мелькали по сторонам, земля упруго пружинила под ступнями. Я не уставал. Сердце билось ровно и мощно, как барабан марша. Лёгкие работали, как кузнечные меха, но без хрипа, без боли.

Это была свобода. Физическая, ошеломляющая. Я засмеялся. Звук получился хриплым, непривычным. Я редко смеялся. А тут – смеялся, бежал сквозь лес, как сумасшедший, и чувствовал, как по коже бегут мурашки от восторга и дикой, животной радости.

«Прекрати дёргаться, как блоха на раскалённой сковороде», – раздался в голове знакомый, циничный голос.

Я споткнулся, едва не врезавшись в дерево, и замер. Тишина в сознании кончилась.

– Ты... ты здесь? – мысленно спросил я, осматриваясь, как будто дух дракона мог материализоваться из-за сосны.

«Где же ещё мне быть? – прозвучал ответ, и в нём явственно слышалась усталость, но и привычная ехидца. – Я же сказал – эхо. Призрак в твоей черепной коробке. Кусок памяти, пропитанный яростью. Не ожидал диалога? Прости, щенок, теперь ты обречён на моё общество. До конца своих, надеюсь, недолгих дней».

Он был здесь. Не такой, как в пещере. Приглушённый, словно говорящий из соседней комнаты сквозь толстую стену. Но здесь.

– Я думал, ты исчезнешь полностью.

«И я думал. Видимо, ненависть – слишком цепкая штука. Она не даёт окончательно рассыпаться даже воспоминаниям. Но хватит болтать. Ты чувствуешь силу?»

Я снова сжал кулак. Мышцы играли под кожей.

– Чувствую.

«Это не просто сила, балбес. Это потенциал. Краеугольный камень. Но камень – не здание. Тебе нужно научиться им пользоваться. Направлять. Контролировать. Иначе ты взорвёшься при первой же серьёзной стычке, как перезрелый волшебный гриб».

– Учи. Меня в шахте только бить учили. Если знаешь, как.

«Знаю. Но наше представление о магии, щенок, отличается от их жалких попыток. Для них магия – это заученные формулы, мертвые руны, ритуалы, чтобы выпросить у своих паразитических «божков» крупицу силы. Это ярмо. Для нас... для меня... это было дыханием мира. Его пульсом. Мы не просили. Мы были частью потока. Мы направляли его. Или разрывали, если было нужно».

Я прислушался. К лесу, к земле под ногами. И да, я что-то чувствовал. Неясное, фоновое. Как лёгкую вибрацию. Как тихое жужжание.

– Это... мана?

«О, смотри-ка, не совсем тупой. Да. Это мана. Жизненная сила мира. Сейчас она слаба здесь, отравлена, замутнена. Но она есть. Твоё новое тело к ней чувствительно. Более того, твоя кровь теперь частью состоит из неё. Задача – не «сотворить заклинание». Задача – приказать. Взять то, что и так твоё по праву наследования, и выплеснуть».

– Приказать? – Я скептически покосился на свою ладонь.

«Попробуй. Не думай о формулах. Думай о желании. О ярости. О мощи. Собери это чувство в центре груди, там, где горит искра, и вытолкни через руку. Не в воздух. Вон в то дерево».

Он мысленно указал на могучую, старую сосну в паре десятков шагов от меня. Ствол был толщиной в два моих обхвата.

Чувство? Желание? У меня было желание не умереть, как идиот, пытаюсь сломать дерево взглядом. Но любопытство пересилило. Я сосредоточился. Вспомнил ярость Вольтара. Свою собственную ненависть к шахте, к надсмотрщикам. Собрал этот клубок жгучих, тёмных эмоций в центре груди, где и вправду пульсировала та самая сфера. Потом представил, как это всё вырывается вперёд, как поток, как удар.

Я вытянул руку, ладонью вперёд, к дереву.

Ничего не произошло.

Тишина. Лес продолжал жить своей жизнью. Птица чирикнула где-то выше.

«Патетично, – вздохнул Вольгар. – Ты пытаешься справить нужду, а не высвободить мощь. Ярость – не мысль. Это действие. Инстинкт. Ты хочешь ударить – ударь! Не представляй!»

Я сжал зубы. Разозлился. На него, на себя, на это дерево, которое стояло тут такое спокойное и неразрушенное. Вспомнил, как Эдгар фон Лейтер (я ещё не знал этого имени, но знал тип) мог бы смотреть на меня сверху вниз. Злость закипела, горячая и реальная. Без мыслей, без образов, просто чистое намерение: «Сломай».

Я не вытолкнул энергию. Я просто... бросился вперёд. Не для бега. С тем же самым чувством. Кулак, сжатый в камень, понёсся к стволу.

Удар.

Глухой, мощный, как удар тарана. Треснуло не только дерево – треснул воздух. Острая, обжигающая боль пронзила костяшки пальцев, но была мгновенно затоплена волной дикой, упоительной мощи. Сосна содрогнулась всем своим огромным телом. Раздался оглушительный скрежет рвущейся древесины. И с медленным, величественным скрипом дерево, возрастом в несколько сотен лет, стало крениться. Корни с хрустом выворачивались из земли, комья грязи летели в стороны. Ещё секунда – и гигант рухнул на поляну, подминая под себя кусты и молодую поросль, оглушая лес грохотом своей смерти.

Я стоял, отдышаваясь, и смотрел на свой кулак. Кожа была слегка содрана, но уже, на моих глазах, края ранки стягивались, кровь перестала сочиться. Через несколько секунд осталась только розовая полоска новой кожи.

«Ускоренная регенерация», – мелькнула мысль, но её затмило другое чувство. Восторг. Необузданный, первобытный восторг от разрушения. От того, что я, вчерашний доходяга, только что голыми руками повалил дерево-исполин.

«Неплохо, – прокомментировал Вольгар без особого энтузиазма. – Для трюка силача на ярмарке. Жаль, что враги редко бывают столь же неподвижны и вежливы, как сосны. Энергию ты не использовал. Только грубую силу, которую дала моя кровь. Это тупик. Сила без направления – это просто кувалда. А кувалдой можно и по своим пальцам попасть».

– А как тогда? – огрызнулся я, ещё находясь под впечатлением. – Ты сказал – дыхание мира. Я не дышу молниями.

«Потому что ты дышишь, как человек. Маленькими, жадными глотками. Попробуй... почувствовать не вокруг, а внутри. Энергию в себе. Ты же чувствуешь её, когда злишься? Это она. Та самая золотая искра. Она не только в груди. Она теперь везде. В каждой клетке. Просто собери её, не эмоциями, а волей. Как воду в ладонях. И выпусти. Не через кулак. Через... намерение».

Я закрыл глаза, пытаюсь отключиться от шума леса, от восторга, от боли в суставах. Внутри... да, что-то было. Не вибрация извне, а собственное, внутреннее свечение. Тёплое, пульсирующее, золотое. Я попытался представить, как эта энергия стекается в мою руку. Не как поток эмоций, а как нечто физическое, послушное.

На ладони снова затрещали искры. Слабые. Но они были.

«Лучше. Теперь сфокусируй. Не «выпусти». «Выстрели». Представь нить. Стрелу. Что угодно. И швырни».

Я открыл глаза, увидел на земле валявшийся камень размером с мою голову. Собрал в ладони пока ещё робкое, зудящее чувство энергии. Представил золотую стрелу. И швырнул её мысленно в камень.

Из центра ладони вырвалась тонкая, извивающаяся змейка золотого света. Она была не больше мизинца, трещала и шипела. Долетев до камня, она ударила в него и... погасла, оставив на поверхности едва заметную чёрную точку.

«Убожество, – констатировал Вольгар. – Но... направление верное. Энергию ты высвободил. Мало, криво, жалко, но высвободил. Это начало. Тренируйся, пока...»

Он замолчал. Не просто умолк, а насторожился. Я и сам почувствовал. Лес вокруг затих. Резко и неестественно. Исчезли птичьи трели, стрекот насекомых. Даже ветер стих. Воцарилась гнетущая, предгрозовая тишина.

Потом донёлся запах. Сладковатый, тяжёлый, отдающий гнилью и мёдом. И скрежет. Скребущий, царапающий звук, как будто что-то огромное и когтистое медленно, неспеша, выбиралось из-под земли.

Из чащи напротив, откуда только что упала сосна, показалась... голова. Не медвежья. Что-то вроде медвежьей, но больше, шире, искажённое. Морда была покрыта не мехом, а какими-то роговыми, бугристыми пластинами, сливающимися в подобие хитинового шлема. Один глаз, маленький и свирепый, сверкал желтоватым огнём. На месте второго зияла глубокая, сочащаяся чем-то тёмным впадина. Из полураскрытой пасти, усеянной кривыми, сломанными клыками, капала слюна, оставлявшая на мху дымящиеся пятна.

За головой показалось тело – массивное, перекошенное, с неестественно длинными передними лапами, заканчивающимися когтями, похожими на тесаки. Шерсть на боках была вылезшей, клочковатой, сквозь неё проступала серая, бугристая кожа. На спине росли какие-то грибовидные, пульсирующие наросты.

Пещерный медведь. Вернее, то, во что он превратился, надыхався магической пылью с ближайших рудников или попив из отравленного источника. Мутант.

Он вышел на поляну, тяжёлый, неуклюжий, но от него веяло дикой, неумолимой силой. Его единственный глаз нашупал меня. Зверь приостановился, низко опустив голову. Из груди вырвался не рык, а хриплый, булькающий рёв, больше похожий на звук лопающихся внутренностей.

Страх. Старый, знакомый, животный страх сковал мне ноги на долю секунды. Инстинкт шахтёра, привыкшего прятаться, замирать, не привлекать внимания.

«Вот и отличный повод для тренировки, – прозвучал в голове голос Вольтара, полный язвительного оживления. – Сожги его».

– Как?! – мысленно выкрикнул я, отступая на шаг. Медведь-мутант сделал шаг вперёд, его когти впились в землю.

«Как хочешь! Но если будешь стоять и трястись, он сожрёт тебя. А я, как призрак, останусь без носителя. Мне это не нравится. ДЕЙСТВУЙ!»

Последнее слово было выкрикнуто с такой силой, что страх отступил, сменившись вспышкой той самой ярости. Я не стал собирать энергию. Не стал представлять стрелы. Зверь уже делал первый размашистый бросок, невероятно быстрый для своей массы.

Я инстинктивно прыгнул в сторону, к упавшей сосне. Моё тело среагировало само – рывок был резким, я перекатился через ствол, почувствовав, как воздух над головой рассекли когти. Я вскочил на ноги с другой стороны дерева. Медведь, не сумев меня достать, в ярости ударил лапой по стволу, откалывая огромные щепы.

Мне нужна была дистанция. Я отбежал ещё на несколько шагов, повернулся. Зверь, обойдя дерево, снова двинулся на меня, уже не рыча, а издавая тот самый булькающий, нетерпеливый звук.

Паника вернулась. Холодная, липкая. Я видел, как слюна капает с его клыков и прожигает мох. Видел мощь в его плечах. Мыслей не было. Было только одно желание – оттолкнуть. Уничтожить. Чтобы это НЕЧТО перестало существовать.

Я вскинул обе руки, как бы защищаясь. Не думая о фокусе, о воле, о «дыхании мира». Просто выплеснул наружу всю свою немощь, весь страх, всю накопленную ярость последних лет, смешанную с яростью Вольтара.

И из моих ладоней, из кончиков пальцев, рвануло не тонкой змейкой.

Это был сгусток. Хаотичный, неистовый, ревущий разряд золотой молнии, толщиной в моё предплечье. Он не летел прямо – он извивался, как плеть, вырвавшаяся на волю, с громовым треском, от которого заложило уши. Он не целившись, почти наугад, ударил не в тело медведя, а ему в голову.

Эффект был не «сожжёт», а «испарит».

Жёлтый глаз зверя успел расшириться от неожиданности, а потом его просто не стало. Всей передней части морды тоже не стало. Золотая молния, соприкоснувшись с роговыми пластинами, не прожгла их – она аннигилировала. Осталось лишь облачко чёрного пепла и запах горелой плоти, озона и расплавленного камня. Безголовое тело медведя сделало ещё паду шагов по инерции, потом рухнуло на бок, дёргаясь в предсмертных судорогах. Воздух вокруг шипел от остаточной энергии.

Я стоял, опустив руки, и тяжело дыша. Не от усталости. От шока. Мои ладони дымились. Вокруг места, где стоял мутант, трава и мох обуглились, земля спеклась в стекловидную корку.

«...Некрасиво, – наконец, произнёс Вольтар. – Безобразно. Расточительно. Ты выплеснул энергии на десять таких ударов. Но...» – он сделал театральную паузу. «Аппетитно. По крайней мере, у тебя вкус к драматизму. И к чрезмерному насилию. Это хорошая основа. Теперь ты знаешь, что внутри тебя. Осталось научиться этому пользоваться, а не просто орать и махать руками в панике».

Я подошёл к трупу. От чудовища осталось лишь тлеющее, зловонное месиво. Моя «магия» не оставила от него почти ничего.

– Это... это я? – прошептал я, глядя на свои ладони.

«Пока что – это мы, – поправил Вольтар. – Но да. Это твоя сила. Золотая молния. Прямое наследие. Не их жалкое подобие. Теперь представь, что будет, когда ты научишься направлять её не в случайную сторону, а точно в цель. И не одним бешеным разрядом, а серией контролируемых ударов».

Он помолчал, а потом добавил, и в его голосе прозвучала редкая нота почти что... удовлетворения:

«Добро пожаловать в мир магии, щенок. Только не забывай – здесь не молятся. Здесь уничтожают. Или уничтожают тебя. Давай постараемся, чтобы был первый вариант».

Я ещё раз взглянул на испепелённую голову медведя, потом на свои руки. Страх ушёл. Осталась лишь лёгкая дрожь возбуждения и осознание простой истины: мир только что стал одновременно намного опаснее и бесконечно интереснее.

А впереди была дорога в Столицу. И надо было учиться не только стрелять молниями, но и ходить, говорить и выглядеть так, чтобы не спалили на месте как диковинного зверя. Но это уже были проблемы будущего. Сейчас же я был жив, силен и только что голыми руками (ну, почти) убил чудовище.

Было с чего начать.

Глава 5: Дорога в Столицу

Путь из леса к большой дороге занял у меня пару дней. Не потому что я заблудился – инстинкты, обострённые кровью дракона, словно вшитая в подкорку карта, вели меня на север, к запаху человеческих поселений, дыма и... лжи. Я просто не торопился.

Мир был другим. Не просто потому что я смотрел на него из здорового тела, полного дикой силы. А потому что я слышал его. И не только слухом. Всё моё существо, каждый нерв, настроенный Вольтаром на восприятие первородных потоков, теперь улавливал фоновый гул реальности. И этот гул был болезненным.

«Чувствуешь? – в первый же день спросил голос в голове, пока я пробирался сквозь заросли папоротника. – Фальшь. Как застарелый нарыв на теле мира».

Я чувствовал. Земля под ногами, которая должна была пульсировать тёплой, ровной энергией жизни, вместо этого отдавала холодной, прерывистой вибрацией. То тут, то там встречались «мёртвые» зоны – пятна, где мана была либо выкачана до дна, либо отравлена, превра-

цена во что-то острое и едкое. Деревья в таких местах росли криво, чахло, их листья были покрыты странными пятнами. Животные обходили эти зоны стороной.

«Последствия их «благословений», – пояснил Вольтар, и в его мысленном голосе звучало леденящее презрение. – Божественная кровь, смешанная с драконьей, создала в магических полях мира... шрамы. Перманентные разрывы. Они выкачивают жизнь, чтобы питать свои храмы и своих избранных магов-аристократов. Как вампиры. Только менее изящные».

Мы вышли к реке. Вода должна была журчать, переливаться всеми оттенками синего и зелёного, быть полной энергии. Она же была мутной, серой. На поверхности кое-где плавали маслянистые радужные разводы. Рыбы не было видно.

«Отравленный источник, – констатировал Вольтар. – Слишком близко к рудникам или какому-нибудь поместью мага, который сбрасывает алхимические отходы, не задумываясь. Раньше река сама очищалась. Теперь... нет. Мир забыл, как это делать».

Я молча перешёл реку вброд, ощущая, как холодная, мёртвая вода обтекает ноги. Вольтар, однако, молчать не собирался. За время пути его характер проявился во всей красе. Он был подобен капризному, язвительному и невероятно древнему старику, который решил сделать меня объектом своего бесконечного комментаторства.

Всё его интересовало. И всё он сравнивал с «его временами».

Мы увидели крестьянскую повозку, сломанную на краю дороги. Мужик в заплатанной одежде копошился возле колеса.

«Посмотри на это, – сказал Вольтар. – Гениально и убого одновременно. Дерево, железный обод... Принцип прост и эффективен. Но почему он такой кривой? Почему ось скрипит? В моё время духи леса могли бы вырастить повозку из цельного куска живого дерева, которое само бы катилось, куда надо, и никогда не ломалось. А теперь... теперь это вершина инженерной мысли. Прогресс, блин».

Над нами пролетела стая птиц.

«Галки? Или вороны? – поинтересовался он. – В моё время птицы были размером с замок. Их перья использовали для кровли дворцов. А их песни... их песни могли лечить душу или сводить с ума. Теперь же это просто пернатые крысы, стрекочущие о погоде».

Мы миновали маленькую деревушку. Я старался обходить её стороной, но с холма было видно жалкие, покосившиеся избы, чадающие печные трубы и кучку грязных детей, копошащихся в грязи.

«Поселение, – произнёс Вольтар без эмоций. – Рассадник болезней, нищеты и покорности. Обрати внимание – ни одного храма здесь нет. Боги не удосужились послать сюда даже захудалого жреца-неудачника. Зато если в десяти милях отсюда маги-аристократы устроят дуэль и случайно спалят урожай – сюда прискачет отряд инквизиции собирать «добровольный налог» на восстановление «нарушенной магической гармонии». Гармонии, бл...»

Последнее слово он произнёс с такой искренней, накопленной за тысячелетия злобой, что у меня в висках застучало.

Но чаще всего его комментарии касались меня. Вернее, изменений, которые происходили в моём теле и которые я не всегда успевал осознавать.

Я порезал палец, продираясь сквозь колючий кустарник. Кровь, густая и тёмная, чуть не чёрная, сочилась пару секунд, а потом ранка стянулась, оставив лишь розовый след.

«Ускоренная регенерация, – заметил Вольгар. – Пока что на уровне глубоких царапин и мелких переломов. Не пытайся отрастить руку, если оторвут – не выйдет. Но любое кровотечение остановится за минуты. Инфекции тебе теперь не страшны. Яд... зависит от яда. Обычный растительный – переборешь. Магический, алхимический... посмотрим».

Я обнаружил, что могу бежать рысью часами, не чувствуя усталости. Сердце билось ровно, лёгкие не горели. Только лёгкая, приятная теплота разливалась по мышцам.

«Выносливость, – пояснил он. – Твоё тело теперь перерабатывает ману из воздуха в чистую энергию эффективнее, чем пищу. Ты можешь не есть несколько дней, если будешь в месте с хоть какой-то маной. Но голод, в конце концов, наступит. И будет зверским. Советую не забывать про провизию».

С провизией, впрочем, проблем не было. Однажды я наткнулся на зайца. Не мутанта, самого обычного. Раньше поймать его было бы немислимо. Теперь же моё тело среагировало само. Вспышка скорости, резкий бросок – и я держал в руках ещё тёплую добычу. Развести огонь без огнива оказалось сложнее. После десятка неудачных попыток сконцентрировать энергию в одном пальце для поджигания хвороста, у меня получилась лишь крошечная, жгучая искра, которая всё же смогла зажечь сухой мох. Заяц, зажаренный на палке, пах умопомрачительно. Я съел его всего, с костями и хрящами, почувствовав, как пища практически мгновенно перерабатывается в топливо для моей новой метаболической печи.

Но самое странное и пугающее изменение касалось не тела, а... отражения.

На третий день пути я вышел к лесному озерцу. Вода в нём была относительно чистой. Я хотел напиться и умыться. Присел на корточки, зачерпнул ладонями воду – и увидел своё лицо на тёмной поверхности.

Черты были мои. Узнаваемые. Высокие скулы, прямой нос, губы, собранные в привычную узкую, недовольную черту. Но кожа, которая раньше была землисто-серой от недоедания и пыли, теперь казалась загорелой, золотисто-коричневой, здоровой. Волосы, всегда тусклые и спутанные, теперь были густыми, тёмно-каштановыми, с медным отливом на солнце.

А потом я посмотрел в глаза.

Они были моими. Серо-зелёными. Но в глубине зрачков, когда луч солнца упал прямо в них, на секунду мелькнул свет. Не отражение. Внутренний. Золотистый. И зрачки... они на мгновение сузились. Не круглыми точками, а вертикальными щелями. Как у кошки. Как у ящерицы.

Как у дракона.

Я отпрянул, едва не упав в воду. Сердце забилося бешено.

– Что это было? – выдохнул я.

«Побочный эффект, – равнодушно ответил Вольтар. – Моя сущность... проявляется. Особенно когда ты злишься, сосредоточен или используешь силу. Зрачки реагируют на всплески внутренней энергии. Со временем ты научишься это контролировать. Или нет. В любом случае, советую не пялиться в глаза аристократам-магам, когда тебя будут допрашивать. Они могут заметить. А заметив – заинтересоваться. А заинтересовавшись... ну, ты понял».

– Я монстр, – прошептал я, всё ещё глядя на воду, где рябь стирала моё отражение.

«Монстр? – Вольтар фыркнул. – Ты – усовершенствованная модель. Они – монстры. Они уродуют мир, калечат его законы, превращают живую магию в мёртвые формулы, а свободных людей – в скот. У них вертикальные зрачки? Нет. У них пустые глаза, щёлки для золота и власти. Так что не ной. Лучше учись скрывать это. Чувствуешь злость? Смотри в землю. Чувствуешь всплеск силы? Закрой глаза. Ты должен выглядеть человеком. Пока не придёт время перестать это делать».

Его слова не особо утешили, но дали направление. Я стал тренировать не только контроль над энергией, но и контроль над собой. Учился дышать ровно, когда внутри всё кипело от ярости при виде очередного следа разрушения. Учился отводить взгляд, когда чувствовал, что глаза начинают жечь. Это было сложнее, чем швырять молнии. Это была постоянная внутренняя борьба.

Вольтар стал моим бесплатным и крайне ехидным учителем выживания.

«Видишь вон те ягоды? Ярко-красные, блестящие? – спросил он однажды.

– Вижу.

«Съешь пригоршню. Прямо сейчас».

Я, уже наученный горьким опытом, насторожился.

– Они ядовитые?

«Конечно, ядовитые. Их сок растворяет внутренности за полчаса. Но твоя регенерация, подкреплённая драконьей кровью, скорее всего, справится. Это будет больно, как адский понос, умноженный на зубную боль, но ты выживешь. И твой организм выработает иммунитет. Это называется «прививка». Так драконята тренировали свою сопротивляемость. Хочешь быть наследником Грома – веди себя соответственно».

Я не стал есть ягоды. Но мысль засела.

Он учил меня не только магии, но и мимикрии. Рассказывал о манерах аристократов, которые подглядывал за века через редких посетителей пещер.

«Они любят длинные, витиеватые фразы, в которых нет смысла. Любят смотреть поверх головы собеседника. Особенно если собеседник ниже рангом. При разговоре с высшим по статусу делают маленький, почти незаметный поклон, касаясь двумя пальцами левой руки правого плеча. Это жест признания «благословения» в крови. Чем знатнее род, тем меньше они жестикулируют. Считается, что бурные эмоции – удел черни. Запомни: спокойствие, холодность, лёгкое высокомерие. И никогда, слышишь, НИКОГДА не благодари слуг при посторонних. Это признак слабости».

Это было противно. Но я слушал и запоминал.

К концу пятого дня пути лес окончательно поредел, и я вышел на настоящую дорогу. Не тропинку, протоптанную зверями и браконьерами, а широкую, мощёную булыжником тропку.

Она вилась меж холмов, и по ней уже двигался народ. В основном, крестьяне с телегами, гружёными скарбом или урожаем. Солдаты в потёртых мундирах. Бродячие торговцы. Все они шли в одном направлении – к столице.

Я присоединился к потоку, стараясь держаться в стороне. Моя одежда – простая, грубая роба шахтёра, хоть и очищенная в озере, – не выделялась среди других бедняков. Но само моё присутствие, моя осанка, мои слишком внимательные глаза заставляли людей невольно отодвигаться. Я чувствовал их взгляды, полные недоверия и лёгкого страха. Я был для них чужим. Диким. Таким, каким и должен был быть «отпрыск загадочного рода Громовержцев».

Пока мы шли, Вольтар продолжал свой комментарий, но теперь он был тише, более задумчивым.

«Смотри, – говорил он, когда мимо проезжала карета с гербом какого-то баронета. – Дерево, обитое тканью, запряжённое лошадьми, которых били кнутом, чтобы они были послушными. Всё в этом мире построено на насилии и подчинении. Драконы правили силой, да. Но это была сила природы. Сила урагана, землетрясения. Она не была направлена на угнетение. Она просто была. А они... они создали иерархию. Пирамиду, где каждый давит того, кто ниже, и лижет сапоги тому, кто выше. И все молятся одним и тем же паразитам наверху. Гениальная система рабства. Я почти восхищаюсь её отточенным цинизмом».

Его голос иногда становился тихим, полным невыразимой скорби, когда он видел что-то, что напоминало ему о прошлом.

«Вон тот холм, – сказал он однажды вечером, когда мы обходили по дороге большой холм, на вершине которого стояли полуразрушенные каменные сооружения. – Там был Храм Ветров. Драконы небесных потоков общались там с духами воздуха. Теперь это просто груда камней. И в её тени пасётся чей-то скот. Забыто. Стерто».

В такие моменты я молчал. Моя собственная ярость была мелкой, личной, по сравнению с его тысячелетним горем по целому погибшему миру. Это была не просто злость. Это была трагедия вселенского масштаба, носителем которой я теперь являлся.

Но чаще всего он был язвительным, саркастичным и беспощадным. Как в тот момент, когда я попытался ещё раз сознательно вызвать молнию, устроившись на ночлег в стороне от дороги.

После десятка попыток у меня получилось создать на ладони шарик энергии размером с грецкий орех. Он трещал, искрил и больно жёг кожу.

«Прекрасно, – сказал Вольтар. – Теперь ты можешь развлекать детей на ярмарке. Или осветить себе путь в уборной. Для боевого применения маловато будет. Но ладно. Прогресс есть. Только не вздумай уснуть с этой штукой в руке. Взорвёшь себе... ну, самое ценное».

Я с силой швырнул шарик в ближайший пенёк. Раздался хлопок, и на коре осталось обугленное пятно размером с тарелку. Уже лучше, чем точка.

«Сосредоточение, щенок, – ворчал он. – Не эмоции. Воля. Представь, что ты не выплёскиваешь энергию, а направляешь её, как воду по жёлобу. Сожми её. Сделай острой. Как коготь. Попробуй снова».

И я пытался. Снова и снова. К концу пути я уже мог, сосредоточившись, выпустить из указательного пальца тонкую, жгучую нить золотой энергии, которая могла прожечь доску или оставить глубокий шрам на камне. Это было далеко от того хаотичного разряда, что убил медведя, но это был контроль. Маленький, зыбкий, но контроль.

И я чувствовал, как с каждым днем, с каждым шагом по этой дороге, ведущей в самое сердце лжи, во мне крепнет не только сила, но и уверенность. Уверенность хищника, надевшего овечью шкуру. Я всё ещё боялся. Боялся разоблачения, боялся неизвестности, боялся той чудовищной системы, в которую лез. Но этот страх уже не парализовал. Он закалял. Как молот – сталь.

Я, Кай Вольтар (я уже начинал привыкать к этому имени), шёл в столицу не как проситель, не как беглый раб. Я шёл как диверсант. Как троянский конь, набитый древней яростью и золотой молнией.

И когда вдали, за очередным поворотом, между холмов показались наконец-то белые стены и шпили Сильвергарда, я не испытал восторга. Только холодную, тяжелую решимость.

«Ну что ж, – произнёс Вольтар, и в его голосе впервые за многие дни звучало нечто похожее на азарт. – Приехали. Арена ждёт. Пора, щенок, вспомнить свои манеры. И постараться не спалиться в первый же день. Было бы обидно, после всего, что мы прошли, закончить на плахе или в лаборатории какого-нибудь любопытного архимага».

Я не ответил. Просто поправил на плече узелок с немногими пожитками (взятыми у того же Эдгара, чьё имя и судьбу я ещё не знал, но уже предчувствовал) и сделал шаг вперёд. Навстречу лжи, в которой мне предстояло выжить.

И, если повезёт, – устроить пожар.

Глава 6: Знакомство с «Благородством»

Дорога на подъезде к Сильвергарду превратилась в ад. Не в переносном смысле – в буквальном. Пахучий, шумный, запруженный ад, где перемешались роскошь и нищета так тесно, что от одного к другому можно было дотянуться рукой.

С одной стороны полотна ехали золочёные кареты с гербами, запряжённые породистыми лошадьми, чьи гривы были заплетены в косы с серебряными нитями. Из окон доносился смех, музыка, запах дорогих духов и вина. С другой – плелись телеги с надорванными осями, грязные люди в лохмотьях, солдаты с пустыми глазами. Над всем этим висело облако пыли, смешанное с гарью из тысяч печных труб предместий, и стоял гул – скрип колёс, крики возниц, блеяние скота, плач детей.

Я шёл по обочине, стараясь слиться с толпой таких же, как я, «простых». Но это становилось всё труднее. Чем ближе к городу, тем наглее и беспощаднее становились взгляды стражников на заставах, тем явственнее аристократы на каретах отворачивались, прижимая к носу платочки, будто от нас всех исходило невыносимое зловоние. Что, впрочем, было отчасти правдой. Но не только.

«Классовое разделение, – язвил Вольтар. – Запах бедности их раздражает больше, чем вонь от собственных нечистот, которые они сливают в реки. Потому что бедность напоминает им, что их благополучие зиждется на чужом труде. А это неприятно».

Мне было не до философии. Моё тело, перенасыщенное новыми ощущениями, реагировало на эту толчею и гам как на физическую угрозу. Каждый громкий звук заставлял меня вздрагивать, каждый резкий толчок в спину – оборачиваться с готовностью к удару. Я сжимал и разжимал кулаки, чувствуя, как под кожей бегают искры. Контролировать себя становилось всё сложнее.

Я уже почти подошёл к первым воротам города – огромным, обитой медью арке, увенчанной статуями каких-то героев, подпирающих ногами драконов (ирония была настолько густой, что я чуть не задохнулся), – когда всё и случилось.

Я решил передохнуть и попить воды из деревянной кружки у примитивного колодца, устроенного для «простонародья» в тени городской стены. Рядом стояла пара тощих кляч, запряжённых в простую повозку, гружённую сеном. Извозчик, мужик лет пятидесяти с лицом, похожим на потрёпанный рельефный план местности, молча курил трубку, поглядывая на ворота с безнадёжностью человека, который знает, что его тут облагают пошлиной за всё, включая воздух.

И тут на дорогу, с лёгким цокотом копыт и скрипом отличных рессор, вырулила карета.

Она была не самой роскошной из тех, что я видел, но явно аристократической. Чёрный лакированный кузов, тонкой работы узоры на дверцах, небольшая корона – фамильный герб. Запряжена парой гнедых лошадей с ухоженными гривами. На козлах сидел кучер в ливрее, с каменным лицом, смотрящим поверх голов толпы.

И вот эта карета, вместо того чтобы слиться с потоком других экипажей, идущих по центру дороги, свернула прямо к нашему колодцу. Видимо, чтобы не толкаться в общей очереди на въезд.

Она остановилась в паре шагов от меня. Пыль, поднятая колёсами, осела на мою поношенную робу и в кружку с водой. Я поморщился.

Дверца кареты отворилась, и из неё вылез молодой человек.

Он был, пожалуй, моего возраста. Но на этом сходство заканчивалось. Одежда из тонкого тёмно-синего сукна с серебряным шитьём на манжетах и воротнике. Белая рубашка, безупречно чистая. Сапоги из мягкой кожи, сияющие, несмотря на пыль дороги. Волосы – светлые, почти льняные, тщательно уложенные. Лицо – гладкое, холёное, с правильными, но какими-то мелкими чертами. И выражение... выражение было таким, будто он наступил во что-то крайне неприятное и сейчас ищет виноватого.

Его глаза скользнули по извозчику, задержались на его лошадях с презрением, а затем упали на меня. На мою запылённую, простую одежду, на кружку с мутной водой, на моё лицо, которое, несмотря на все изменения, всё ещё хранило отпечаток тяжёлого труда и недавней болезни.

Его губы скривились в усмешке. Не весёлой. Надменной и злой.

– Фу, – произнёс он громко, обращаясь, казалось, к своему кучеру, но глядя прямо на меня. – Какое скопище отбросов. И запах... Слуга, ты уверен, что здесь можно набрать воды? Не отравленной?

Кучер ничего не ответил, продолжая смотреть в пространство.

Я замер, медленно опуская кружку. Внутри что-то ёкнуло. Не страх. Что-то знакомое, тёплое и опасное. Ярость. Но я сдержал её. Вспомнил наставления Вольтара. Смотри в землю. Молчи.

Но молодой маг, видимо, решил, что раз я не отвечаю, значит, можно продолжить. Он сделал несколько шагов в мою сторону, демонстративно сморщив нос.

– Ты, землекоп, – бросил он мне, и его голос был высоким, пронзительным. – Ты загораживаешь вид. И распространяешь миазмы. Уйди с дороги.

Извозчик тихо крякнул и отошёл к своей повозке, стараясь стать невидимым. Он смотрел на меня не с презрением, а с... жалостью. И со страхом. Он знал, чем такие стычки заканчиваются для людей вроде нас.

«О, – тихо произнёс в моей голове Вольтар. – Представитель «благородства». Свеженький. Пахнет деньгами, глупостью и той самой краденой силой. Будь осторожен, шенок. Но... не слишком».

Я поднял глаза. Не прямо на него. Чуть в сторону. Сделал шаг назад, к краю дороги. Молчание было моим щитом.

Но этого ему показалось мало. Его взгляд упал на мою лошадь. Нет, не на мою. На одну из тощих кляч извозчика, которая стояла ближе ко мне. Видимо, он решил, что она моя.

– И это что за животное? – фыркнул он. – Скелет, обтянутый шкурой. Ему место на живодёрне, а не на дороге в столицу. Слуга! – крикнул он кучеру. – Освободить место. Эта кляча мешает проезду.

Кучер, не меняясь в лице, начал слезать с козел.

Извозчик зашевелился, забормотал:

– Ваша милость, это ж моя кормилица... мы только воды...

– Молчать, смерд! – отрезал маг, даже не глядя на него. – Или я заставлю.

Он повернулся ко мне.

– Ну? Убери свою падаль. Или ты хочешь, чтобы я помог?

Я почувствовал, как по спине побежали мурашки. Не от страха. От предвкушения. Я снова поднял глаза и на этот раз встретился с его взглядом.

– Она не моя, – сказал я тихо, но чётко. Голос прозвучал низко, хрипло, но без тени заискивания.

Маг на секунду опешил. Видимо, он ожидал бормотания или мольбы. Потом его лицо искажилось злобной усмешкой.

– А, так ты ещё и наглый. Ну что ж... давай-ка я помогу тебе стать смиреннее.

Он поднял руку. Не спеша, с театральным изяществом. Пальцы сложились в небрежный жест.

И вокруг меня поднялся ветер.

Не природный, свежий. Резкий, вихревой, сконцентрированный прямо на мне. Он рвал мою одежду, хлестал пылью в лицо, пытаясь сбить с ног. Это была магия. Простая, примитивная, но магия. «Сдуть вошь», как он, наверное, думал.

Пыль забивала глаза и рот. Люди вокруг замерли, наблюдая. Извозчик отвернулся. Стражники у ворот делали вид, что ничего не видят – разбираться с шалостями молодых магов-аристократов было себе дороже.

А внутри меня что-то щёлкнуло.

Страх испарился. Осталась только ярость. Чистая, холодная, драконья ярость. Как в тот момент с медведем, но теперь – осознанная. Я не был загнанным в угол зверем. Я был хищником, которого тычут палкой.

Ветер пытался отбросить меня. Мои ноги, впившиеся в землю, даже не дрогнули. Сила Вольгара, сила моих новых мышц и костей, держала меня твёрже скалы.

Я сделал шаг вперёд. Сквозь вихрь. Пыль резала лицо, но я не моргнул.

Молодой маг увидел это. Его надменная усмешка сползла, сменилась лёгким недоумением. Он усилил напор. Ветер завыл, поднимая с земли камни и щепки. Моя роба затрещала по швам.

Я сделал ещё шаг. Теперь нас разделяло три шага.

– Как ты... – начал он, и в его голосе впервые прозвучала нотка неуверенности.

Он сменил тактику. Ветер стих. Вместо него в его ладони вспыхнул огонь. Небольшой, яркий шар, раскалённый докрасна. Магия пламени. Более опасная. Более... смертельная.

– Вот тебе, грязный быдло! – крикнул он, уже не играя, а по-настоящему злясь. – Гори!

Он швырнул огненный шар. Не для устрашения. Прямо в меня. В грудь.

Время замедлилось. Я увидел, как шар, пульсирующий жаром, летит ко мне. Увидел торжествующую злобу в глазах мага. Увидел ужас на лице извозчика.

И инстинкт Вольгара сработал сам. Не уклоняться. Не защищаться магией. Встретить удар. Ответить силой на силу.

Моя рука сама взметнулась вперёд. Не для заклинания. Просто кулак. Собранный в комок ярости и первородной мощи.

Я не стал бить по шару издалека. Я встретил его. Прямо кулаком.

Удар.

Раздался не взрыв, а хлопок, как от лопнувшего пузыря. Огненный шар не сжёг мне руку. Он рассыпался. Рассыпался на тысячи искр, которые, потрескивая, погасли в воздухе, не причинив мне ни малейшего вреда. Моя рука, обожжённая лишь слегка, тут же начала затягиваться новой кожей.

Маг замер с открытым ртом. Его глаза округлились. Он не понимал. Никто не понимал. Магию не ломают кулаками. Её парируют магией. Её гасят заклинаниями. Её не... не разбивают голой рукой.

Я не дал ему опомниться. Тот самый шаг, который отделял нас, был сделан мной. Я был перед ним. Он пахнул теперь не только духами, но и страхом.

– Ты... ты кто... – начал он.

Мой кулак, тот самый, что разбил огненный шар, продолжил движение. Короткий, резкий удар в солнечное сплетение.

Воздух с хрипом вырвался из его лёгких. Он согнулся пополам, глаза полезли на лоб. Не давая ему упасть, я схватил его за шиворот левой рукой, поднял почти что в воздух (он был легче, чем казалось) и, развернув, швырнул в сторону.

Он перелетел через дорогу и шлёпнулся в грязную канаву у обочины. Раздался глухой звук и тихий, болезненный стон.

Я подошёл к краю канавы. Он лежал там, в луже мутной воды, его прекрасная одежда была в грязи и тине. Он пытался подняться, хрипел, выплёвывая что-то. На его губах была кровь. И несколько белых осколков – зубы.

Я смотрел на него сверху. Без злости уже. Без ярости. С холодным, пустым любопытством. Вот он, «благородный» маг. Лёгкий. Хрупкий. Без своей краденой магии – никто.

Он поднял на меня взгляд, полный животного ужаса и ненависти.

– Ты... ты заплатишь... мой отец... – пробубльнул он сквозь разбитые губы.

«Отец, отец... – вздохнул Вольгар. – Вечный аргумент тупиц, которые сами ничего не стоят».

Я наклонился чуть ближе.

– Магия не делает тебя богом, – сказал я тихо, так, чтобы слышал только он. – Запомни. Кулак – тоже аргумент.

Потом я выпрямился. Огляделся. Толпа замерла в ошеломлённом молчании. Кучера на козлах смотрели на меня, как на привидение. Стражники у ворот наконец-то сдвинулись с места, но шли не спеша, видимо, решая, стоит ли связываться с тем, кто голыми руками разносит магию и швыряет аристократов в канавы.

Извозчик смотрел на меня широко раскрытыми глазами. В них не было уже жалости. Был священный ужас.

Я повернулся и, не обращая внимания на шёпот и взгляды, пошёл прочь от колодца, оставляя позади хныкающего в канаве юного мага, его карету и всю эту жалкую сцену «благородства».

В голове у меня стояла тишина. Даже Вольгар молчал. Но я чувствовал его... одобрение. Словно хищник, наблюдающий, как его детёныш впервые выпустил когти.

Я прошёл мимо замерших стражников. Они пропустили меня, даже не спросив документов. Иногда страх – лучшая пропускная печать.

И только когда я уже углубился в лабиринт узких, вонючих улочек предместья, до меня наконец дошло.

Я только что ударил мага. Аристократа. Я, вчерашний раб. И не просто ударил – унизил. Сломал.

Это был поступок. Не обдуманый, не хладнокровный. Инстинктивный. И он изменил всё. Теперь пути назад не было. Теперь я был не просто самозванцем, пробирающимся в Академию. Я был преступником. Бунтарём. Целиком, полностью.

И странное дело – мне было не страшно. Было... легко. Как будто я сбросил с себя последние оковы страха перед системой.

«Вот и первый урок новому миру, – наконец, прозвучал в голове голос Вольгара, и в нём слышалась та самая, редкая усмешка удовлетворения. – Ты только что показал им, что их правила можно сломать. Голыми руками. Запомни этот момент, щенок. Это начало. Настоящее начало».

Я шёл дальше, в сердце города, в самое логово врага. И на моём лице, впервые за много лет, maybe, появилось что-то, отдалённо напоминающее улыбку. Холодную. Опасную.

Урок был усвоен. Игре только началась.

Глава 7: Кража Судьбы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.